

А. И. Чехов читает группе Московского Художественного театра «Чайку»

Чехов и Художественный театр

Из воспоминаний засл. арт. А. Л. Вишневого

ЧЕХОВ — первая любовь Художественного театра. Его, как первую любовь театра, сердце не забудет...

Лучшие страницы еще недолгой, но уже значительной истории этого театра, самые важные и самые красивые, это — те, которые рассказывают увлекательную повесть о пяти чеховских спектаклях, в которых запечатлелась крепкая и благородная связь между «театром Чехова», как очень часто зовут Художественный театр, и «драматургом Художественного театра», как можно бы с большим основанием звать поэта «Чайки» и «Вишневого сада».

Было бы преувеличением сказать, что Художественный театр создавался для того, чтобы играть Чехова. Но будет полною правдою сказать, что Художественный театр создавался и потому, что существовала драматургия Чехова и ждала своего сценического осуществления; непонятная, забранованная, отвергнутая старыми театрами, она ждала своего театра.

На одну из репетиций новорожденного театра, готовившего «Царя Федора», пришел, не подозревая, что в этот день впервые переступает порог своего «дома», Чехов.

Приходил и потом. И каждый раз уходил властно заинтересованный, восхищенный, уносил все крепнущую любовь.

А потом, когда болезнь опять загнала Чехова на «Чортов Остров», в Ялту, он оттуда писал руководителю театра, В. И. Немировичу-Данченко: «Художественный театр — это лучшая страница той книги, какая будет когда-нибудь написана о современном русском театре. Этот театр — моя гордость и это — единственный театр, который я люблю, хотя ни разу еще в нем не был».

Вот первая завязь того союза, который затем протянулся через всю жизнь Художественного театра.

«Ах, зачем я писал пьесы, а не повести» — вырвалось у Чехова в одном письме, писанном вскоре после катастрофы «Чайки» в Петербурге. «Это — единственный театр, который я люблю» — говорил он про новый московский театр. Но, любя, он, вероятно, не верил в возможность даже для этого театра дать «Чайке» красоту сценического воплощения. На просьбу разрешить постановку «Чайки», он долго отвечал отказом, всячески стараясь доказать, что мысль

поставить ее — ошибка, что «он же не драматург...»

Еще до того, по поводу предстоящего печатания «Чайки», он писал: «Боюсь, что скоро настроение будет у меня скверное: Лавров и Гольцев настояли на том, чтобы «Чайка» печаталась в «Русской Мысли». И теперь начнет хлестать меня литературная критика. А это противно, точно осенью лезешь в лужу». Тем больше неприятности сулила театральная постановка. Однако, скрепя сердце и хмурясь, Чехов дал, наконец, согласие, надо думать, уверенный, что придется ему горько раскаиваться в этой своей уступчивости.

Но многое пришлось тут преодолеть — и препятствий внутренних, и препятствий внешних. Прежде всего — преодолеть непонимание Чехова К. С. Станиславским, которому ведь предстояло быть режиссером этого чеховского спектакля. О своем непонимании тогда красоты Чехова К. С. Станиславский сам очень откровенно говорил. Он не чувствовал еще прелести «Чайки», не понимал, чем она так увлекает руководителей репертуара театра, он не знал, как это ставить и как это играть. Вместе со всеми другими он считал, что это — не для «театра», и что из этого «ничего не выйдет». Пришлось В. И. Немировичу-Данченко переводить его, путем долгих бесед, в новую веру. Станиславский увез с собою пьесу, чтобы готовить ее к постановке, но не увез веры в нее. И только долго спустя, в медленном процессе работы, вживания в Чехова, он все разглядел, все понял и все — и уже навсегда — полюбил.

Обо всем этом необходимо напомнить, хотя бы в самых кратких чертах, чтобы с достаточной отчетливостью выступили размер и значение совершенного новым театром переворота. Этот театр, едва возникнув, отдал свои силы «Чайке», — и кар-

Рукопись комедии Чехова «Свадьба» (автограф) с цензурными пометками (из собрания Чеховского музея в Москве)

Сцена IV акта «Вишневого сада» в МХТ: Яна — А. Г. Александров, Гаен — К. С. Станиславский, Варя — М. П. Лилина, Епиходов — Н. М. Москвин, Лопухин — Н. О. Массалитинов, Раневская — О. Л. Книппер-Чехова

тина сразу изменилась до неузнаваемого. До этого момента сцена стояла баррикадой между чеховской драмой и публикой. Теперь сцена их чудесно сблизила, она стала между ними художественной посредницей, облила пьесу ярким светом своих глубоких и тонких пониманий, наполнила громадным трепетом своих переживаний. Прежде театр вредил Чехову, теперь, искупая свои вину перед поэтом, оказал ему великую помощь. Уже не стало непонимающих и недоумевающих, не стало равнодушных. Русский зритель принял «Чайку», а за нею следом — четыре других чеховских драмы.

Второй чеховский спектакль — «Дядя Ваня» — состоялся 26 октября 1899 года. Этого спектакля уже ждали, как праздника. Может быть, отчасти поэтому он не имел такого бурного успеха, как «Чайка». Впрочем, очень скоро этот успех пришел, и именно «Дядя Ваня» стал самой любимой чеховской пьесой Художественного театра. В следующем году весной Художественный театр отправился на юг специально затем, чтобы показать себя своему автору, которому болезнь не позволяла приехать в Москву. Здесь завязалась та прочная дружба, которую разрушила лишь болезнью вейлерская ночь. Конечно, художествен-

ники завели речь и о том, что Чехов должен отказаться от своего решения не писать больше для театра, и должен дать «своему» театру новую пьесу.

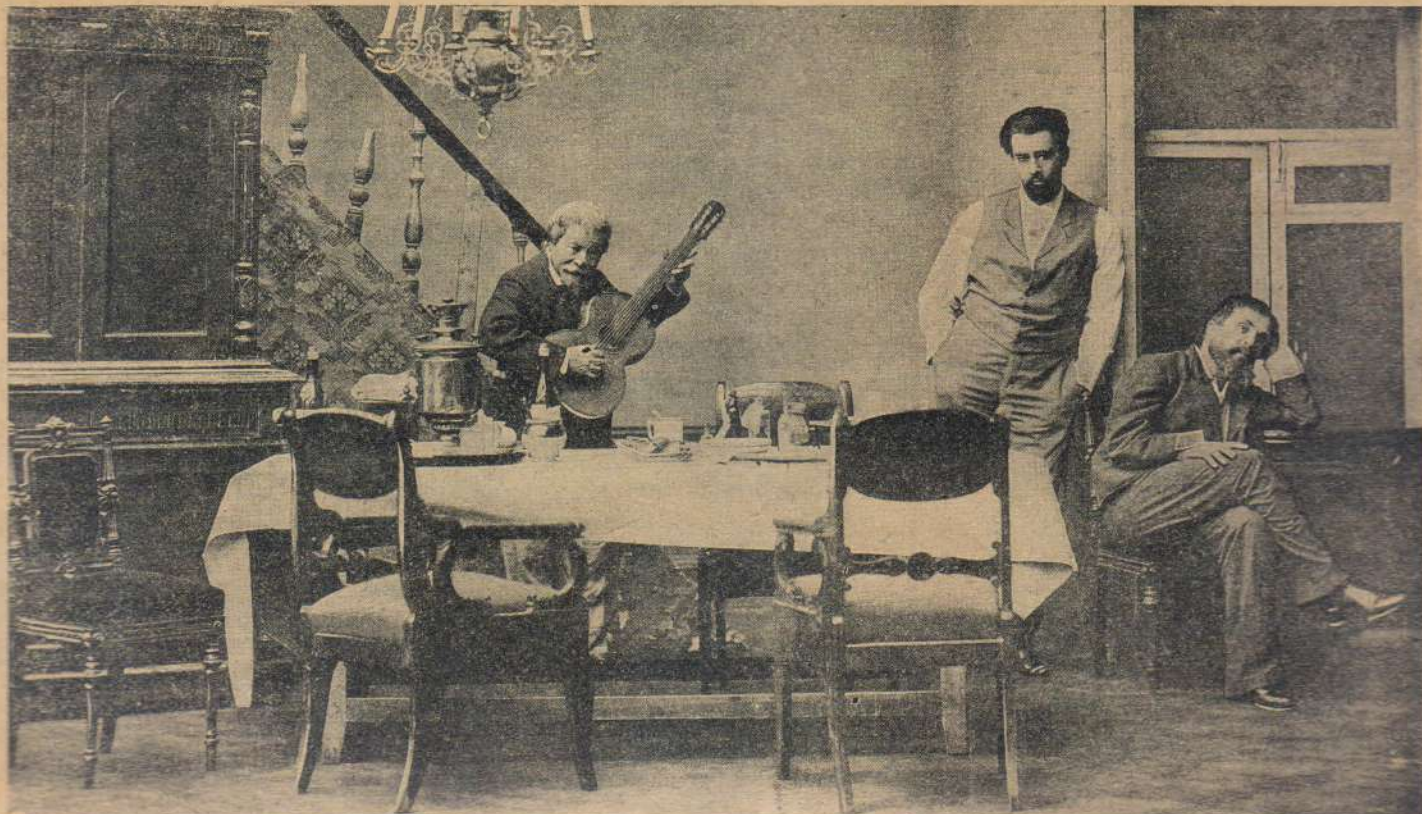
Чехов иногда в разговорах делал какие-то смутные намеки на эту будущую пьесу — очень смутные, так что по ним ничего нельзя было угадать, кроме того, что Чехов пьесу напишет. Наконец, театр получил тоненькие листочки, густо покрытые бисерным почерком. Тут были два акта новой пьесы, которую сам Чехов аттестовал, как «легкую комедию». Я знаю, что эти два акта оставили в театре впечатление смущения. Не улавливалась еще истинная сущность этого произведения. А ждать продолжения приходилось долго. И театр волновался, впадал почти в ступор. Наконец, А. П. Чехов появился сам в Москве и передал конец пьесы. То были «Три сестры». 31 января 1901 года они были сыграны. И к двум чеховским спектаклям прибавился третий, не менее прекрасный.

«Я видел жизнь», — писал после одного спектакля «Трех сестер» Леонид Андреев, — она волновала меня, мучила, наполняла страданием и жалостью — и мне не стыдно было моих слез».

«В Москву, в Москву, в Москву» — над

этим могли сколько угодно подшучивать — для большинства прозвучало и долго потом звучало как великий призыв.

Чехов вскоре после «Трех сестер» стал делать, как всегда, очень смутные, еле обрисованные намеки на свою новую пьесу. Уже мелькало в его рассказах раскрытое окно в большой помещичий сад, в котором глядят осыпанные белым цветом вишневые деревья; кто-то играл на бильярде, бродил по старому дому старый слуга — какая-то женщина, сначала совсем старая потом — много моложе, теряла деньги... В душе поэта вырастал «Вишневый сад» — грустное «прости» прошлому, радостный привет приходящему «будущему». Ревниво берег Чехов тайну названия этой новой пьесы; даже жене, лежавшей больной, не решился произнести его вслух, только шепнул как-то на ухо; а сестре даже не шепнул — написал на бумажке и велел прочитать про себя. Но пришлось, наконец, расстаться с тайной имени и самой рукописью. Большая тетрадь плотных почтовых листов была прислана в Художественный театр, и 17 января 1904 года, в день имени автора, «Вишневый сад» был сыгран. К трем чудам прибавилось четвертое, столь же прекрасное, столь же чарующее.

Сцена II акта «Дяди Вани» в МХТ: Вафля — А. Р. Авдем, Астров — К. С. Станиславский, Дядя Ваня — А. Л. Вишневский